

А. С. СТЫКАЛИН

Русская литературная классика в венгерском культурном контексте

<...>

Аладар Шепфлин, один из влиятельных критиков журнала «Nyugat» («Запад»), вокруг которого в 1910–1930-е годы объединялось едва ли не все наиболее талантливое, что было в венгерской литературе тех десятилетий, признал в 1912 году: «Если когда-нибудь сложится то, чего еще нет, — венгерская филологическая наука, видящая собственными глазами и мыслящая собственной головой, и способная на нечто большее, чем пережевывать немецкие диссертации, то она наверняка констатирует как самую характерную черту последних 40 лет влияние русских авторов, и особенно Тургенева и Пушкина, на венгерских писателей». Это наблюдение, наводящее на резкость проблему влияния русской литературы на венгерскую, в целом справедливо, хотя и нуждается в оговорках. И в конце XIX века, и позже (вплоть до начала 1950-х годов) русская литература, переводная и тем более в оригиналах, не могла, конечно, иметь столь же широкого распространения в Венгрии, как литература на немецком, английском и французском языках, которыми в той или иной степени владела основная часть интеллигенции. «Что касается немецких вещей, то они настолько доступны венгерскому читателю в оригинале, что вряд ли имеет смысл браться за них», — писал известный книгоиздатель И. Кнер молодому, впоследствии крупному поэту и переводчику Лёринцу Сабо в 1923 году. Русский язык, напротив, знали единицы, а переводы были выборочными и далеко не всегда совершенными. И все же в главном Шепфлин прав: к началу XX века русская литературная классика стала столь же неотъемлемой частью духовного мира образованных людей Венгрии, как шедевры итальянского Ренессанса, Шекспир, Гёте или немецкая классическая философия.

Начало знакомству венгерской читающей публики с русской литературой было положено еще в конце XVIII века. Видный историк Д. Прай читал в это время труды М. В. Ломоносова, а несколько позже, уже в начале XIX века, реформатор национального литературного языка Ференц Казинци познакомился через немецкие переводы с творчеством Н. М. Карамзина.

Роль России в наполеоновских войнах, усиление ее веса в европейской политике после победы над Францией, посещение Александром I со свитой Буды и Пешта по пути с Венского конгресса 1815 года способствовали заметному повышению интереса венгерского читателя к российской тематике, которая в эти годы получала все более частое, хотя и довольно отрывочное, бессистемное освещение в венгерской периодике. В 1820-е годы начинают публиковаться обзорные статьи о современной русской литературе. В одной из них в 1825 году в ряду других поэтов впервые было упомянуто имя А. С. Пушкина. В находившейся под властью Габсбургов и подвергавшейся германизации Венгрии остро стояла задача утверждения в общественной и культурной жизни венгерского языка. Отстаивая право своей национальной культуры на полнокровное развитие, писатели и критики обращались к опыту других народов. Показательно, что едва ли не наиболее часто упоминаемым в венгерской прессе тех лет российским писателем был оппонент юного Пушкина и его друзей по кружку «Арзамас», ревнитель самобытного русского слова адмирал А. С. Шишков. Для того чтобы при оценке литературного творчества выступили на первый план, как это вполне естественно, сугубо эстетические критерии, венгерский читатель должен был непосредственно познакомиться с художественными произведениями.

В 1830-е годы связи двух литератур вступили в качественно новый этап.

Именно в это время на венгерском языке впервые издается проза русских писателей. Вероятно, волею случая первое произведение русского автора, опубликованное в венгерском переводе, принадлежало перу другого непримиримого пушкинского оппонента — речь идет об отрывке из романа Ф. В. Булгарина «Мазепа», вышедшем в Венгрии в 1834 году. Первая публикация А. С. Пушкина на венгерском языке оказалась уже посмертной (повесть «Выстрел» в 1844 году). Более серьезное ознакомление мадьярского читателя с его творчеством пришлось уже на годы, последовавшие за революцией 1848–1849 годов. В 1855 году была издана «Пиковая дама», в 1857 году «Метель», в 1864 году

«Капитанская дочка». С выходом на венгерском языке «Бахчисарайского фонтана» (1863) и особенно «Евгения Онегина» (1866) Пушкин, прежде известный в Венгрии лишь своей прозой, был оценен и как поэт. Одновременно перевод «Бориса Годунова» (1866) дает о нем представление как о драматурге. Кстати сказать, свояченица А. С. Пушкина Александра Гончарова жила на землях «венгерской короны», в Словакии, поддерживая связи с деятелями русской культуры, что, впрочем, влияло на восприятие творчества её великого родственника только лишь молодой словацкой, но отнюдь не венгерской интеллигенцией: культурные контакты России со славянами Венгерского королевства, рассматривавшиеся как проявления панславистского заговора, не столько способствовали, сколько мешали прямым русско-венгерским связям.

Говоря об особенностях восприятия русской культуры в Венгрии, нельзя, конечно, абстрагироваться от образа царской России в венгерском национальном сознании. В 1831 году по её имиджу значительно ударило подавление польского восстания (венгерское общественное мнение не слишком вникало в неоднозначную суть «семейного спора», всецело поддержав в этом конфликте поляков, что находило отражение и в периодике). А в 1849 году, ровно 160 лет назад, венграм пришлось испытать действия пресловутого «жандарма Европы» на себе. Однако антипатия к царской России питалась даже не столько той ролью, которую сыграла армия прекрасного полководца фельдмаршала И. Ф. Паскевича в разгроме национально-освободительного движения венгерского народа против Габсбургов, сколько страхом перед панславизмом. Образованные слои венгерского общества с неизменным беспокойством следили за национальными движениями славян дунайской монархии, видя в них угрозу собственным интересам, а после заключения в 1867 году соглашения с Венной юридически закреплённому статусу Венгрии в системе австро-венгерского дуализма. При этом за всеми подлинными и мнимыми проявлениями славянской общности неизменно чудилась фигура русского царя.

Угроза панславизма часто преувеличивалась в Венгрии. Хотя отношения двух соседних держав никогда не были равными, царизм ни в эпоху Николая I, ни в годы правления Александра II отнюдь не склонен был поощрять радикальные славянские движения в Австрии, боясь тем самым нанести смертельную обиду венскому двору — приоритет был за монархической солидарностью. Связи России со славянами монархии Габсбургов, хотя

и довольно интенсивные, относились по преимуществу к сфере культуры. И всё-таки для страха перед официальной Россией имелись определённые реальные основания, что подтвердила интервенция 1849 года, усугубившая антипатию широких кругов венгерского (и далеко не только венгерского) общества к режиму Николая I, подавившему одну из великих европейских революций XIX века.

Сильные антироссийские настроения в постреволюционной Венгрии всё же не перечеркнули усилий переводчиков, занимавшихся популяризацией русской литературы, которая во второй половине XIX века стала привлекать к себе всё большее внимание европейского читателя. Как и в некоторых других странах, в Венгрии количество публикаций произведений русских авторов в 1850–1860-е годы заметно выросло в сравнении с первой половиной века. В качестве языка-посредника, как правило, выступал немецкий (известны также единичные случаи сербского посредничества).

Выполненные известным мюнхенским филологом и поэтом Ф. Боденштедтом переводы произведений русских авторов на немецкий язык получали распространение и в Венгрии, вдохновляя венгерских литераторов на новые переложения. «Мы должны радоваться тому, что наши переводчики стали интересоваться русской литературой. Десять лет тому назад венгерская литература не знала ничего о русской, а ведь эта литература имеет превосходных поэтов», — заметил в 1862 году виднейший венгерский критик тех лет П. Дюлаи. Первым в ряду других Дюлаи назвал Пушкина. В условиях так называемого «баховского абсолютизма» 1850-х годов, когда резко усилились германизаторские тенденции, великий русский поэт становится союзником венгерских литераторов, отстаивавших своё национальное достоинство. «Между нашей и русской литературой, несмотря на различие условий, очень много сходства. Там тоже, как и у нас, поэзия стала более национальной всего лишь несколько десятилетий назад, причём народно-национальный элемент пробился у них при аналогичных условиях: русский поэт так же борется с французской образованностью высших кругов, как наши образованнейшие люди с онемечиванием. Недовольство общественно-политическим положением так же можно ощутить у русского поэта, как и у венгерского, только в русском поэте больше меланхоличности и желчного юмора», — так, читая в 1862 году Пушкина, воспринимал Дюлаи общность двух литератур.

Доминировавшее в венгерской эстетике и литературной жизни на протяжении второй половины XIX века «народно-нацио-

нальное» направление во главе с П. Дюлаи, отстаивая свою концепцию, исходившую из приоритетности фольклорного начала, интерпретированного в духе, довольно близком «официальной народности» С. С. Уварова, нередко обращалось к опыту русской литературы, который преломлялся сквозь призму собственных эстетических установок этой школы. Теория и художественная практика народно-национального направления утверждала опирающийся на пуританскую мораль мягкий, заземлённый, идиллический, с облагораживающей бытописательностью реализм, который противопоставлялся как «индивидуалистическому» романтизму с его пугающей безмерностью страстей, так и не менее пугающему беспощадностью социального анализа реализму Бальзака (не говоря уже о более позднем, пронизанном физиологизмом и биологическим детерминизмом, «безыдейном» и «безнравственным», по их мнению, натуралистическом реализме Флобера и тем более Золя). Характерно, что из опыта русской литературы черпались идейно близкие образцы. Так, «Старосветские помещики» Н. В. Гоголя оказали определённое влияние на венгерскую литературу 1850–1860-х годов, выполненную по «рецептам» народно-национальной эстетики. Ознакомившись уже позже, в конце 1870-х годов с творчеством Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, П. Дюлаи не мог принять, по его собственному признанию, анархических тенденций у первого и склонности к патологии у второго.

Сходные эстетические принципы предопределяли и интерпретацию народно-национальной школой пушкинского реализма — выполненный тяготевшим к этой школе поэтом К. Берци и опубликованный в 1866 году перевод «Евгения Онегина» смягчал социально-критические начала романа А. С. Пушкина. Блистательный стихотворный перевод Берци был сделан с оригинала: будучи уроженцем Словакии и зная с детства словацкий язык, поэт занялся изучением русского и добился неплохих успехов. Перевод К. Берци выдержал более двух десятков изданий, вызвал множество подражаний разного уровня и оказал сильное воздействие на формирование в венгерской поэзии жанра романа в стихах. По справедливому замечанию одного из исследователей, возникший под непосредственным влиянием А. С. Пушкина «венгерский стихотворный роман не просто пытался восполнить недостаток реалистического романа, он являл собой новый жанр в противовес как затасканым шаблонам приключенческого романтизма, так и казавшемуся плоским, «материалистическим» французскому роману». Таким образом, органично вписавшись

в контекст литературного процесса 1860-х годов, перевод Берци сыграл немалую роль в преодолении избитых романтических клише, утверждении реалистического метода в венгерской литературе.

В несколько сентиментальной трактовке Берци «Евгений Онегин» стал романом «утраченных надежд», но отнюдь не «энциклопедией русской жизни». Отлично овладевший русским языком талантливый переводчик был слишком далёк от российских общественных реалий 1820–1830-х годов, чтобы каждый раз тонко улавливать подтексты пушкинского поэтического повествования, особенно там, где дело касалось иронических намёков на конкретные обстоятельства и лица. И всё-таки Берци сумел выделить в романе и донести до венгерской публики то, что в наибольшей мере соответствовало её тогдашним духовным устремлениям. Хорошо переданный переводчиком скептицизм главного героя оказался созвучным умонастроениям значительной части венгерского общества в канун и в момент заключения соглашения с Габсбургами в 1867 году, когда многим людям, жившим идеалами 1848 года, пришлось во имя спокойствия в общем доме с горечью отказаться от всякой мысли о борьбе за независимую Венгрию. Отчасти в этом заключался секрет популярности в Венгрии «Евгения Онегина», вдохновившего, кстати, Ференца Листа на ряд музыкальных этюдов. И через несколько десятилетий после первого венгерского издания пушкинским романом продолжали зачитываться уже новые поколения. Великий поэт начала XX в. Э. Ади вспоминал, как ещё «зелёным юнцом... глотал Пушкина». Что же касается «односторонностей» в трактовке «Евгения Онегина» поэтом К. Берци, то они были в значительной мере преодолены в последующих, не менее классных переводах пушкинского стихотворного романа, выполненных Л. Априли (начало 1950-х годов) и А. Галгоци (1980-е).

Конечно, и в 1860–1870-е годы, не говоря уже о более позднем времени, влияние русской литературы отнюдь не ограничивалось творчеством Пушкина. Классик венгерской эпической поэзии Янош Арань, в одной из статей призывавший не отождествлять творчество русских писателей с царскими войсками, увлекался Н. В. Гоголем, впервые перевёл на венгерский язык «Шинель», некоторые свои публицистические тексты он подписал псевдонимом Акакий Акакиевич (настолько, видимо, его растрогал гоголевский образ). Его сын Ласло Арань, тоже видный поэт, испытал большое влияние М. Ю. Лермонтова. Как романтизм «Мцыри», так и глубокий реализм «Героя нашего

времени» находились в созвучии с настроениями скепсиса и меланхолии, которые Л. Арань разделял со многими своими современниками, увидевшими в прозаических буднях дуалистической Австро-Венгрии жалкую карикатуру на высокие идеалы свободы и независимости, провозглашённые в 1848 году.

Естественно, что каждое поколение венгерских читателей искало в русской литературе ответы на вопросы, актуальные для своего времени. В силу этого крупнейшие русские писатели в разное время представляли венгерской читающей публике различными гранями своих дарований. Как справедливо заметил один из исследователей, «в эпоху, требующую национального сплочения, не может вызвать отклика беспощадно разоблачительный пафос «Мёртвых душ» или «Ревизора», в Гоголе видели прежде всего автора «Шинели», реалиста, с участливым юмором изображающего беспомощность маленького человека». В эпоху дуализма всё острее давали о себе знать социальные противоречия в венгерском обществе, и постановка Национальным театром «Ревизора» в 1874 году (кстати, намного опередившая по времени первый спектакль по этой пьесе в Германии) нашла немалый зрительский отклик.

Новые, поэтические стороны в творчестве Гоголя раскрыли в начале XX века писатели-символисты. Гоголевские религиозные искания последних лет жизни также привлекли внимание только читателя рубежа веков, преломившего в своём духовном опыте мир героев Достоевского и Толстого.

Внимательные, беспристрастные читатели новейшего времени отмечали победу глубоко и небанально понимаемого реалистического начала в творчестве Гоголя над его мистическими исканиями. По мнению крупного писателя первой половины XX века Михая Бабича, реализм «означал способность смотреть прямо в глаза всей пошлости мира, всей безнадежной безотрадности его: смотреть не лирически, а спокойно, бесстрастно, что почти выше сил человеческих. Быть может, не случайно, что первые настоящие реалисты были неудовлетворёнными, раздвоенными людьми, например, Гоголь, у которого обратная реакция проявилась в мистицизме и религиозном помешательстве... Писатели, ищущие популярности, не приняли этот аскетизм. Диккенс подслащал свои произведения при помощи сентиментализма... Гоголь же, полупомешанный, отправился в паломничество в Иерусалим, чтобы искупить тот грех, который он совершил в отношении святой Руси, изобразив её в подлинной действительности».

Восприятие Пушкина также заметно менялось с течением времени. На первый план выступал то певец любви, то вольнолюбивый поэт-романтик — последователь Байрона, то отстранённый наблюдатель светской жизни.

Причём в условиях, когда в венгерской литературе ещё видное место занимал романтизм, даже реалистические в своей основе пушкинские произведения, как «Евгений Онегин», иной раз прочитывались сквозь призму романтического мировосприятия. Выдающийся, европейски известный мастер авантюрно-приключенческого романа Мор Йокаи, хорошо известный при жизни и русскому читателю, делал акцент на свободолюбии Пушкина. В своей публицистике 1860-х годов он противопоставлял царскому правительству русскую литературу с присущей ей жаждой свободы. Характерно, что решив попробовать силы в переводе пушкинской поэзии, Йокаи остановил свой выбор на романтической поэме «Цыганы». В отличие от тех, кто считал Пушкина в первую очередь последователем Байрона, Йокаи оценивал его как поэта глубоко национального, оригинального.

Интересуясь русской историей, Йокаи написал на российском материале целый ряд своих произведений. Его новелла «Дерзновенный» посвящена пугачёвскому восстанию. Образ Пугачёва уже встречался к тому времени в западных литературах (вождь крестьянской войны в России представлял не только авантюристом-разбойником, но иногда — вопреки реальности — возвышенно-романтическим героем-одиночкой). Однако у Йокаи восприятие Пугачёва и его бунта было явно навеяно образами «Капитанской дочери».

Ещё более известен роман Йокаи о декабристах «Свобода под снегом», опубликованный в 1881 году (не полностью и с цензурными искажениями) в петербургском журнале «Полярная звезда». Этот роман выдержал 5 изданий в Англии — больше, чем любое другое произведение Йокаи, дважды выходил в Германии. Довольно слабое знание автором исторического контекста, некритическое отношение к источникам нередко приводили к искажению фактов. Тем не менее роман Йокаи в известной мере способствовал повышению в Венгрии интереса к России, русской культуре и общественным движениям.

Активный участник революции 1848 года, Йокаи впоследствии стал сторонником компромисса с Габсбургами. В годы расцвета его дарования (1870-е) венгерская пресса различных политических направлений с обеспокоенностью, а порой и со страхом следила за волной революционного террора в России. Хотя

в наиболее радикальных кругах было и сочувствие российским народолюбцам, акция цареубийства в марте 1881 года напугала и многих из венгерских радикалов, отмежевавшихся от подобной тактики. Неприятие террористических методов современных революционеров заставляло Йокаи снова и снова обращаться к истокам российской революционной традиции. Интересно, что в соответствии с бытовавшими в венгерском национальном сознании стереотипами восприятия российских радикальных движений декабристы в его романе «Печальные дни» трактовались как носители панславизма, им приписывалось стремление к мировому господству.

Наиболее просвещённому, взыскательному читателю романтические тенденции в творчестве М. Йокаи в 1880–1890-е годы казались уже анахронизмом. В венгерской литературе происходил поворот к широко понимаемому реализму, и опыт русской литературы имел огромное значение. По мнению М. Бабича, русская литература выдвинулась как феномен мирового уровня именно под знаком реализма; в сравнении с другими великими литературами мира она была менее обременена традициями классицизма и романтизма, а потому, как считал Бабич, «могла более непредубежденно отдаться строгому наблюдению действительности, неприкрашенному изображению её, чем другие европейские литературы».

При этом мир, изображавшийся в русской литературе, был интересен венгерскому читателю отнюдь не экзотичностью и непохожестью на отечественные реалии. Напротив, обращаясь к творчеству русских писателей, читающая публика улавливала общее в социальном развитии двух стран, переживавших в последней трети XIX — начале XX века, хотя и в несколько разных условиях, болезненный переход к современному капитализму через мучительную ломку отживших себя, но все ещё крепких феодальных структур. Начавшийся в 1870-е годы экономический подъём не принял тех темпов и того размаха, на который рассчитывали многие сторонники прогресса в Венгрии. Отнюдь не каждый обладавший способностями представитель молодого поколения мог найти должное применение своим силам. Так становится актуальной тема «лишнего человека», придавшая новое звучание «Евгению Онегину», которое обошел своим вниманием К. Берци. Примерно в это же время под непосредственным влиянием И. С. Тургенева в венгерской прозе получили распространение базаровские типы. Несколько позже, в 1880–1890-е годы вполне злободневно звучала другая тема — разорения «дворян-

ских гнёзд» под жёстким натиском индустриальной цивилизации. Русская литература опять-таки могла предложить венгерскому читателю замечательные образцы её художественного решения.

В обеих странах сохранял актуальность крестьянский вопрос. «Бедный мужик, чья свобода ещё мизернее свободы нашего венгерского батрака, точно так же боится своего начальника, как наш безземельный крестьянин — исправника... Сходство лежит в самих порядках, в принципах политического и общественного устройства, в уровне экономической жизни обеих стран», — отмечал уже в 1912 г. журнал «Nyugat». Немало общих черт имело дворянство России и Венгрии. «Он весь, до мельчайшей клеточки своей, мог бы сойти за венгерский роман», — написал М. Бабич об «Обломове» И. А. Гончарова. (Впрочем, обращаясь к образу Обломова и характеризуя «обломовщину» как типичную российскую социальную болезнь своего времени, современники Бабича указывали не только на сходство реалий России и Венгрии, но и на существенные различия, предопределившие национальное своеобразие такого типажа, как Обломов. «Нет более глубокого противоречия, чем между венгерской бездеятельностью и бездеятельностью Обломова... Венгерская бездеятельность — трезвая. Она точно знает, что надо бы делать, знает и то, что все это досягаемо. Обломов же находится по ту сторону досягаемого, его взор направлен на утопическую действительность», — замечал в 1900-е годы юный Дьёрдь Лукач.)

Как и другие страны, Венгрию не обошла всемирная слава Л. Н. Толстого. Событием литературной жизни стала публикация в 1886 году перевода «Войны и мира», в оценке М. Бабича, «величайшего творения эпохи, которое по замыслу автора должно было призвать к смирению высокомерную Европу: нет величия там, где нет простоты, добра и правды». Своим присутствием в современной европейской культуре Толстой определял не столько литературный процесс, сколько развитие общественной мысли в Венгрии конца XIX — начала XX века. В этой стране у толстовского учения было немало пылких приверженцев, причем с некоторыми из них писатель состоял в переписке. Влияние идей Толстого не ограничивалось кругом интеллигенции. Характерно, что философский раздел библиотеки одного из будапештских профсоюзов в начале XX века почти целиком состоял из книг Л. Н. Толстого и литературы, представляющей его этическое учение.

Если Л. Н. Толстой был широко известен в Венгрии ещё при жизни, то к произведениям Ф. М. Достоевского слава, как

и в других странах, пришла уже после смерти писателя. «Взволнованная, жаждущая искупления Европа жадно впитывала в себя глаголы мессианских романов и у образованнейших читателей Венгрии предвоенных лет не было писателя более популярного, чем Достоевский», — вспоминал впоследствии М. Бабич. Показательно свидетельство Эндре Сабо, одного из выдающихся переводчиков русской прозы: «Я могу себе представить, как злился бедняга Ревецкий (поэт, большой поклонник русской литературы. — А.С.), ведь и меня сейчас каждое отрицательное слово (о русской литературе. — А.С.) выводит из себя. Между нами спор дошел до того, что я решил, что все русские произведения, которые я могу найти во французском и немецком переводе, все я их прочту, чтобы посмотреть, прав ли Ревецкий. Но не долго пришлось мне читать. Как только я дошел до «Мёртвого дома» Достоевского, я положил книгу, вскочил и сразу же побежал в книжную лавку покупать русскую грамматику, потому что я решил, что эту литературу должен читать в оригинале... И то, что русские писатели произвели на меня невероятное впечатление, об этом я и сейчас... легче всего могу судить по тому, с каким рвением учил я этот чрезвычайно трудный язык, так что через год я уже по-русски писал в Киев графу Игнатьеву».

Едва ли будет преувеличением сказать, что герои романов Достоевского во многом определили образ русских людей в сознании образованной венгерской публики. «Если мы случайно встречались с каким-нибудь русским, то с почтением... ожидали, когда же он наконец растянется на земле в эпилепсии для того, чтобы с пеной у рта задавать глубокомысленные вопросы и делать глубокомысленные заявления», — вспоминал один из современников.

В последние годы XIX века получает известность А. П. Чехов. Еще при жизни писателя его произведения выдержали несколько книжных изданий, не говоря о многочисленных газетных и журнальных публикациях. Известность как драматурга пришла к нему в Венгрии позже.

Отталкиваясь от социального и конкретного, большая русская литература поднималась до осмысления вечных, универсальных тем. Молодой Карл Манхейм, уроженец Будапешта, впоследствии классик европейской социологии, писал в начале 1912 года своему духовному наставнику Дьёрдю Лукачу о том, что обращение к Достоевскому дает возможность разрешить занимающие его моральные дилеммы, поскольку его мир «очень схож с нашим со всеми его противоречиями, всей его дисгармо-

нией». Сам Д. Лукач, остро не принимавший современной ему западной цивилизации, бездуховной, чреватой войнами и несущей в себе угрозу гибели культуры, в поисках альтернативы обратился к современной России, и мир произведений Достоевского многое дал венгерскому мыслителю для ее постижения. С творчеством Ф. М. Достоевского Лукач связывал не только принципиальное обновление жанра романа (наиболее адекватной, по его мнению, формы художественного выражения современной эпохи «тотальной греховности»), но и попытку художественного воспроизведения другой, более глубокой, чем кантовская, этики, утверждающей моральную ответственность каждого не только за свои собственные поступки, но за все зло, совершаемое на земле. Из оставшейся незавершенной работы о Достоевском выросло одно из главных сочинений молодого Лукача — «Теория романа» (1920).

В десятилетия, когда на первый план выдвигаются произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова, творчество А. С. Пушкина также продолжало вызывать интерес. В некоторой мере этому способствовала и постановка в Будапеште классических русских опер, написанных по мотивам его произведений — «Евгений Онегин» П. И. Чайковского (1902) и «Борис Годунов» М. П. Мусоргского (1912). Эндре Ади написал в 1899 году стихотворение «Пушкин». Поэт-символист, исполненный бунтарских настроений, Ади черпал в поэзии Пушкина вольнолюбивые мотивы, а в своей публицистике проводил параллели между А. Пушкиным и Ш. Петёфи. Совсем по-другому воспринимал Пушкина современник Э. Ади видный прозаик начала века Д. Круди. В «Евгении Онегине» его привлекала «несостоявшаяся судьба хандрящего денди, не находящего покоя и самоутверждения, трагедия которого отчасти объясняется парализующими внешними обстоятельствами, отчасти каким-то неуловимым метафизическим томлением, тоской по недостижимому».

К началу XX века уже сходят со сцены те поколения венгров, которые помнили 1849 год. Но почва для антирусских настроений в венгерском обществе сохранялась. Восторженное ознакомление венгерской публики с русской литературой происходило на фоне всё ухудшавшихся отношений двух соседних монархий. Несмотря на помощь, оказанную Николаем I юному Францу Иосифу, сохранившему трон лишь благодаря поддержке русских штыков, уже в 1850-е годы наступило заметное охлаждение в отношениях двух держав. В период Крымской войны Австрия,

по словам современника, «удивила весь мир неблагодарностью», заняв, по сути дела враждебную России позицию. Спор Австрии и Пруссии за главенствующую роль в процессе объединения немецких земель завершился в 1860-е годы поражением венского двора. Под нажимом Бисмарка Гасбурги были вынуждены уйти из Германии, и в результате этого их экспансионистские притязания стали все более смещаться в сторону Балкан. А здесь устремления Вены сталкивались с интересами Петербурга. Причем враждебная России направленность австро-венгерской внешней политики определялась, в первую очередь, восточной половиной монархии и, в частности, влиятельнейшим венгерским аристократическим лобби (графом Д. Андраши и его последователями). С боснийским кризисом 1908–1909 годов Россия и Австро-Венгрия превратились в смертельных врагов, войны между ними уже едва ли возможно было избежать.

Русская революция 1905 года вызвала в Венгрии огромный, хотя и неоднозначный отклик. Э. Ади сравнил ее с землетрясением. «Великая славянская держава... начинает срывать с себя последние лохмотья старой одежды, чуть не с мясом... На стороне окровавленного, борющегося исполина — будущее», — писал он. «Какой великой и счастливой будет эта страна! Разве может быть иным будущее там, где столько примеров благородства, бескорыстия и святой отваги», — такими утопиями жил в те годы не только Ади. Одним из характерных феноменов духовной жизни Венгрии начала XX века был необычайный успех ранних произведений М. Горького. Герои его рассказов, мятежные натуры, бунтари, восстающие против «обыденщины», мира «мещанских» ценностей, жаждущие полнокровных чувств и вселенского размаха действий, по-нищешански готовые во имя этого пренебречь любыми нормами морали, но способные также и к самопожертвованию, оказывались очень созвучными духовным исканиям эпохи, настроениям интеллигентов, живших ожиданиями больших социальных перемен, жадно вслушивавшихся в реальность в своем стремлении уловить отдаленные отзвуки грядущих бурь.

Известно, что установление в 1919 году Венгерской Советской Республики поначалу было с воодушевлением встречено многими деятелями культуры. В условиях, когда российский политический опыт выступал в качестве образца, совершенно по-новому воспринималась и роль русской литературы. «В России столетиями шла подготовка этой революции. Каждая книга, написанная в течение прошедших веков рукою русского человека, — своего рода скрытая пропаганда приближающегося нового мира. Вся

печаль и тоска, пронизывавшая голоса русских писателей, звучала во имя спасения страдальницы-родины», — писал весной 1919 года Дюла Круди.

Левацкие эксцессы, сопутствовавшие социалистическим экспериментам, не могли, однако, не оттолкнуть даже многих из тех, кто вначале приветствовал новую власть. Падение Венгерской Советской Республики сопровождалось заметным сдвигом вправо в общественном сознании, что, впрочем, отнюдь не перечеркнуло интереса к русской литературной классике, раскрывшейся в 1920-е годы новыми своими гранями. Русская литература, не всегда призывавшая к бунту, но часто, напротив, предостерегавшая от насилия, давала духовную пищу для осмысления истоков и уроков русской революции, которая вошла в ряд эпохальных событий, не только перекроивших карту Центральной и Восточной Европы, но и многое изменивших в человеческих душах. Крупный писатель Жигмонд Мориц заметил в 1921 году, что «венгерскую литературу все ещё осеняет тень Пушкина». В тот год, однако, в Венгрии больше читали Ф. Достоевского. Столетие со дня рождения писателя было отмечено большим количеством публикаций.

В 1930-е годы, в условиях наступления фашизма, на первый план в восприятии русской литературной классики опять выходят тираноборческие мотивы. В 1937 году, когда отмечалось 100-летие со дня смерти А. С. Пушкина, при участии советского полпредства прошел ряд юбилейных мероприятий с участием симпатизировавших СССР писателей. Журнал «Nyugat» откликнулся статьей одного из ведущих поэтов — Дюлы Ййеша. Михай Бабич на собрании венгерской литературной общественности говорил, что образ великого русского поэта «никогда не казался более современным и трагическим, чем в наши дни. Это глубокое, неискоренимое и безнадежное стремление к свободе приобретает особое значение под сенью современных диктатур. Цари больше не правят, но порой и нас, как героя Пушкина, охватывает стремление вырваться отсюда, оставить эту тиранически суровую, губящую человека цивилизацию, бежать в какой-то наивный... мир, где первобытные страсти, кочующие цыганы и дикие горы...»

Ознакомление венгерской интеллигенции с русской литературной классикой XIX века — от А. С. Пушкина до А. П. Чехова — не только обогащало ее представления об одном из уникальных явлений мировой культуры и тем самым расширяло горизонты ее мировидения. Оно было теснейшим образом свя-

зано с поисками художниками национального начала, стремлением к более полному раскрытию собственных творческих сил. Весь опыт русской литературы был для венгров свидетельством того, что и культуры, занимавшие прежде периферийное положение, могут, нисколько не утратив своей самобытности, со всей необоримой силой выдвинуться на первый план, привлечь к себе пристальное внимание и снискать заслуженное уважение всего цивилизованного человечества.

